

© 2001 г., ЭО, № 1

**Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения.**  
Томск, 1998. 352 с.

Перед нами – четвертый, завершающий том коллективного труда, посвященного этнографии и антропологии народов Западной Сибири. Его авторы – члены небольшого коллектива антропологов Томского университета, совсем еще недавно совместно и увлеченно работавшие над проблемами происхождения и антропологического состава западносибирских народов. Судьба этого коллектива трагична: двое из трех его членов (сначала А.Р. Ким, а затем и В.А. Дремов, руководивший работой), безвременно ушли из жизни. Незаконченный труд пришлось завершать одному А.Н. Багашеву, к которому на финальном этапе присоединилась М.П. Рыкун. Именно А.Н. Багашеву (он ответственный редактор тома) в основном и принадлежат (помимо нескольких разделов, касающихся отдельных народов) обобщающие части исследования.

Значение книги очень велико, поскольку в ней впервые суммированы и подвергнуты анализу все имеющиеся краниометрические данные по народам Западной Сибири и Северного Алтая – тюркам (телеутам, кумандинцам, тубаларам, шорцам, томским и чулымским тюркам, татарам барабинским и тоболо-иртышским), уграм (хантам и манси), самодийцам (селькупам и ненцам), а также кетам. Значительная часть этих материалов добыта благодаря громадным многолетним усилиям авторов книги. Собранные ими и их предшественниками краниологические коллекции по народам Западной Сибири (общее число серий к настоящему времени достигло 46) в полном смысле слова уникальны и еще много лет будут служить ценнейшим источником этногенетической информации. Рецензенты пользуются случаем выразить восхищение трудолюбием и целеустремленностью сибирских коллег. Мы никогда не забудем проявленного В.А. Дремовым гостеприимства, его готовности сделать собранные материалы достоянием всех антропологов и самоотверженной помощи коллегам, приехавшим издалека.

Результаты исследования представляют значительный интерес, поскольку вносят весомый вклад в решение одной из самых острых проблем этнической антропологии России – происхождения народов, говорящих или говоривших на языках уральской семьи. Традиционно речь шла о происхождении уральской расы, однако в наши дни целесообразнее говорить именно о происхождении не только уралоязычных, но и тех народов, которые были в прошлом уралоязычны, а затем перешли на тюркскую речь. Вызвано это не только тем, что расы в отличие от языковых семей не имеют четко очерченных границ, даже если используется лишь одна система признаков (не говоря уже о несовпадении этих границ по разным системам), но и тем, что само понятие расы по ряду причин практически выбывает из научного обихода во всем мире.

Как известно, вопрос об уральцах на протяжении десятилетий вызывал острейшие споры, причем одни антропологи вслед за Г.Ф. Дебецем отстаивали идею чисто метисного их происхождения, другие же вслед за В.В. Бунаком считали большинство этих народов потомками весьма древней общности, единство которой было нарушено метисационными процессами. До конца 1980-х годов между обеими точками зрения сохранялось равновесие. Соматология и одонтология свидетельствовали в пользу идеи былого единства и своеобразия, между тем как краниология и дерматоглифика, казалось, подкрепляли метисационную гипотезу. Следует подчеркнуть, что метисность уральцев не отрицалась и не отрицается никем – спор шел лишь о том, была ли метисация европеоидных и монголоидных групп первичным и в сущности единственным фактором, сформировавшим антропологический облик уральцев, или же она была вторичным явлением, нарушившим исходную общность.

В последние годы положение резко изменилось – в первую очередь благодаря новым подходам к краниологическому материалу. Один из них связан с использованием новой системы высокоэффективных описательных (краниоскопических) признаков, продемонстрировавших резко выраженное своеобразие большинства уралоязычных народов на мировом фоне и решительно склонивших чашу весов в пользу гипотезы В.В. Бунака<sup>1</sup>. По словам одного из наших ведущих специалистов по исторической уралистике, благодаря этим результатам «мы имеем сегодня основания говорить об уральском пранароде не только как об абстрактной общности носителей реконструируемого уральского праязыка, но как об общности, для которой

был характерен определенный, отличающий ее от других популяций Северной Евразии антропологический тип, то есть буквально как о народе во плоти и крови»<sup>2</sup>.

Второй подход состоит в применении к традиционным краниометрическим признакам методов многомерного статистического анализа, недоступных в эпоху, когда изучение признаков по отдельности (неизбежное при отсутствии компьютеров) выявляло, как правило, лишь неоднородность уральцев по соотношению европеоидности и монголоидности<sup>3</sup> и заставляло Г.Ф. Дебеца и В.П. Алексеева отстаивать метисационную концепцию происхождения уральцев. Однако после внедрения многомерных методов краниометрия стала давать те же результаты, что и краниоскопия: за метисностью стало отчетливо вырисовываться своеобразие<sup>4</sup>.

Как с полной определенностью показано авторами книги, сочетание краниометрических признаков у хантов, манси, селькупов и тюрков Западно-Сибирской равнины невозможно объяснить одной лишь метисацией европеоидов с монголоидами. Устойчивость этого сочетания свидетельствует и против предположения о генном дрейфе. Иными словами, ничем иным, кроме как сохранением в разобщенных ныне популяциях антропологических черт давно исчезнувшей общности – уральского пранарода, объяснить это невозможно. В полном соответствии с выводами целого ряда других исследователей авторы книги констатируют, что в наиболее чистом виде древнеуральский комплекс сохранился у обских угров, однако он вполне отчетливо прослеживается и в других западносибирских группах, в частности и в тех, которые сменили уральскую речь на тюркскую.

Хотя сторонники метисационной гипотезы пытаются преуменьшить значение этих фактов<sup>5</sup>, заключительный абзац рецензируемой книги не допускает ни малейших разночтений: «Благодаря достаточно четкому своеобразию морфотипа население Западной Сибири противопоставляется как европеоидным, так и монголоидным народам, равно как и группам смешанного происхождения... Таксономически западносибирскую расу трудно безоговорочно отнести к числу рас западного или восточного стволов. Видимо, она утратила связь с основными расовыми стволами очень давно, еще до того времени, когда сформировались отчетливо выраженные европеоидные и монголоидные черты, и представляет собой древнюю протоазиатскую формацию...» (с. 330). Яснее не скажешь! Итак, на современном этапе краниометрия безоговорочно свидетельствует в пользу гипотезы В.В. Бунака.

Важно отметить, что сибирские краниологи пришли к такому выводу совершенно независимо от нас. Они давно и самостоятельно разрабатывали эти проблемы. Правда, хотя заключение книги подписано всеми тремя авторами, столь четкая формулировка принадлежит, судя по всему, в основном А.Н. Багашеву. Его соавторы ушли из жизни, когда многомерные методы применялись у нас не столь систематично, как в настоящее время, а потому метисационная концепция еще казалась конкурентоспособной. Кстати, совсем недавно и генетики, прежде воздерживавшиеся от определенных суждений по данному вопросу, обнаружили новые маркеры, ясно свидетельствующие о генетическом своеобразии уральцев<sup>6</sup>. Теперь, когда существование в прошлом уральского пранарода можно считать окончательно доказанным, вопрос перешел в иную плоскость: какие антропологические системы лучше отражают этот факт, а какие – хуже? Как показывает пример краниологии, соотношения тут могут меняться, поскольку поиск информативных признаков и методов ведется специалистами по всем системам.

В задачу авторов, впрочем, не входило обсуждение уральской проблемы в целом. Книга посвящена народам Западной Сибири, а другие регионы затрагиваются лишь мимоходом. Между тем, как показывают наши результаты, потомками уральского пранарода, судя по всему, являются и саамы, и некоторые группы финнов-суоми, и поволжские финны, и чуваша (последние, подобно сибирским татарам, сменили уральскую речь на тюркскую). Крайне восточным же ответвлением уральского массива следует, по нашим данным, считать юкагиров, о чем, как известно, свидетельствуют и лингвистические факты.

Не во всем наши выводы совпадают. Расхождения, впрочем, не кардинальны и иногда связаны с чисто техническими аспектами. В частности, вместо канонического анализа авторы применили для классификации групп более простой метод главных компонент, что, строго говоря, допустимо (по отношению к измерительным признакам) лишь на внутригрупповом уровне. Хотя в целом это вряд ли привело к существенным погрешностям, некоторые выводы можно отнести именно за счет указанного выше обстоятельства. Так, бельгтеры оказались одной из самых европеоидных групп, что противоречит не только результатам канонического анализа, но и краниоскопическим данным, свидетельствующим о тяготении бельгтеров к центральноазиатским популяциям, а также этнографическим фактам (как известно, тувинцы считают бельгтеров своими наиболее близкими родственниками). Вместе с тем вывод, что кызыльцы более близки к западносибирским группам, а качинцы – к южносибирским, вполне подтверждается и краниометрически, и кранио-

скопически. Совершенно справедливо и то, что телеуты, причисляемые по этнографическим данным к южным алтайцам, сближаются не с ними, а с северными алтайцами и шорцами.

В целом книга, повторяем, очень ценна и для антропологов, и для всех, кто занимается проблемами этногенеза западносибирских народов. Она хорошо написана, отличается четкой структурой, снабжена множеством карт и графиков и великолепно оформлена. Единственное, о чем можно пожалеть, – это, что В.А. Дремов и А.Р. Ким не дожили до ее выхода.

### Примечания

<sup>1</sup> Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия. Л., 1988; Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб., 1999.

<sup>2</sup> Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997. С. 177–178.

<sup>3</sup> К числу редких исключений относятся работы Ю.Д. Беневоленской, см., например: Беневоленская Ю.Д. Исследование краниологии манси в расово-эволюционном аспекте // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992. С. 15–33.

<sup>4</sup> Козинцев А.Г., Моисеев В.Г. Об антропологическом своеобразии уралоязычных народов: сопоставление данных краниоскопии и краниометрии // Этнограф. обозрение. 1995. № 4. С. 81–88; Моисеев В.Г., Козинцев А.Г. Антропологическое своеобразие уралоязычных народов // Там же. 1998. № 2. С. 140–150; Моисеев В.Г. Указ. раб.

<sup>5</sup> Хить Г.Л., Долинова Н.А., Козлов А.И., Вершубская Г.Г. Угры Оби и уральская раса: Дерматоглифический аспект // Вестн. антропологии. 1996. № 2. С. 111–128.

<sup>6</sup> См., напр.: Viktorova T., Bermisheva M., Khusnutdinova E. Variability of human Y-chromosomal microsatellite loci in Volga-Ural populations // IVth Int. Congr. of Aleš Hrdlička. Abstracts. Pr., 1999. P.170–171.

А.Г. Козинцев, В.Г. Моисеев

© 2001 г., ЭО, № 1

**И.В. Дубов. Залесский край. Эпоха раннего средневековья. Избранные труды.** СПб., 1999. 393 с.

Изучение этнокультурной истории нашего отечества в целом и его отдельных районов – важная задача ученых ряда смежных наук: археологии, этнографии, антропологии, фольклористики, лингвистики и др. Каждая серьезная работа в этом направлении – важный шаг в решении поставленной задачи. Вышедшая недавно рецензируемая работа известного исследователя ярославского средневековья И.В. Дубова принадлежит к такой категории исследований.

В сборник автор включил 40 научных статей, опубликованных с 1970 по 1996 г., в редких, малодоступных академических и музейных изданиях. И.В. Дубов отобрал для данного издания работы, которые, на его взгляд, являются ключевыми в его исследовательской деятельности. Лишь отдельные статьи написаны им в соавторстве, абсолютное же большинство работ создано им самим. По статьям из данной выборки видно, как из года в год возрастали научный потенциал и интенсивность исследовательской деятельности автора, как расширялась и углублялась сфера научных интересов ученого – от работ, основанных на сугубо археологических источниках, до исследований, которые базируются на материалах летописных, фольклорных, этнографических, нумизматических и иных данных. Это уже работы исторические в самом широком смысле слова, что подтверждают их тематика, цели, задачи и выводы, основанные на широкой источниковедческой базе.

Общая и детальная оценка научного творчества И.В. Дубова дана в небольшом по объему, но достаточно емком предисловии к сборнику, написанном крупнейшим российским ученым В.Л. Яниным. Он особо отмечает ту основополагающую роль, которую сыграли в становлении И.В. Дубова как ученого его первый учитель – краевед А.С. Смирнов, видные ленинградские ученые, а также коллеги. В.Л. Янин пишет: «Важными вехами в научном творчестве Игоря Васильевича стали его труды, один за другим выносимые на суд научной общественности: "Города, величием сияющие" (1985); "Великий Волжский путь" (1989); "Новые